

Драко

Стрела Дамокла

Фантастический рассказ

В КРИСТАЛЛЕ РАЗУМ НАХОДИТСЯ В СОВЕРШЕННОМ ПОКОЕ. В ЗВЕЗДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РАЗУМ – В СОВЕРШЕННОМ ДВИЖЕНИИ. ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ МОСТ МЕЖДУ ЭТИМИ ДВУМЯ СОСТОЯНИЯМИ РАЗУМА. ЧЕРЕЗ ЧЕЛОВЕКА ТЕЧЕТ ПОТОК РАЗУМА В ВИДИМЫЙ МИР. НОГИ ЧЕЛОВЕКА ВЫРАСТАЮТ ИЗ КРИСТАЛЛА, ЖИВОТ ЕГО – СОЛНЦЕ, ЕГО ГЛАЗА – ЗВЕЗДЫ, ГОЛОВА – ЧАША С КРАЯМИ, ПРОСТИРАЮЩИМИСЯ ВО ВСЕЛЕННУЮ. ЧЕЛОВЕК ЕСТЬ ВЛАДЫКА МИРА. ЕМУ ПОДЧИНЕНЫ СТИХИИ И ДВИЖЕНИЕ.

А. Толстой, "Аэлита"

В квартире кто-то побывал. Едва переступив порог, Мойше ощутил тревогу и судорожно отпрянул, прижавшись к стене всем телом. Дрожащей рукой нашарил выключатель.

Одинокая лампа под потолком медленно, словно нехотя, налилась светом. Комната выглядела нетронутой; железная кровать в углу, шкаф, стол, полка с книгами, кресло– качалка у окна, порченный молью плед. Старые часы на стене неторопливо тикали.

Им пришлось отсчитать почти минуту, прежде чем Мойше рискнул сделать шаг в комнату. Его грудь судорожно вздымалась, водянистые глаза испуганно моргали за толстыми линзами очков. Царила полная тишина, нарушаемая лишь безжизненным

тиканьем.

"Окно", подумал Мойше. "Утром я закрыл ставни на крючок."

Крючок был на месте. Пустой гранёный стакан всё так же стоял на столе, рядом лежала пачка валидола и тетрадь. Ничего не изменилось.

"Старею", подумал Мойше. Усилием воли он заставил себя снять пальто и повесил его на вешалку у двери. Руки слегка дрожали от пережитого страха.

Посидев минут десять на кровати, Мойше немного успокоился. Встал, ногой подтолкнул ведро к стене и открыл кран, торчавший над радиатором. Оттуда послышался хрип умирающей свиньи.

Мойше вздохнул; для таких случаев за кроватью стояла кастрюля. С трудом опустившись на колени, он зачерпнул несвежую воду и уже собрался выпить, когда внезапно зазвонил телефон. От неожиданности Мойше уронил стакан.

"Кто бы это мог быть?"

Старый дисковый аппарат стоял на подоконнике, рядом с единственным кактусом. Мойше несколько секунд колебался, брать ли трубку. Но телефон вновь издал требовательный звонок. Пришлось подчиниться.

– Квартира Левинзона.

– Профессор, это вы?

"Квинт", – Мойше невольно вздрогнул.

– Да, Квинт?

– Вы сейчас свободны? Надо поговорить.

Сердце гулко ударилось о рёбра.

– Уже поздно...

– Это очень важно, профессор!

Мойше растеряно потёр лоб.

– Хорошо, Квинт, я приеду. Где ты?

– Мы в подъезде вашего дома, звоним с мобильного.

– Ты не один? – слабо спросил Мойше.

– Только я и Валерия, профессор. Пожалуйста, откройте дверь.

Послышался длинный гудок. Несколько секунд Мойше недоверчиво смотрел на телефон.

Внезапно в дверь постучали – сильно, напористо. Так стучат энергичные молодые люди или преторианцы. Вздвогнув, Мойше поправил очки и подошёл к двери.

– Кто там? – спросил он нерешительно.

– Это мы, профессор!

Нервно перебрав пальцами, Мойше накинул цепочку и повернул ключ в замке. Сквозь приоткрытую дверь сразу потянуло запахом дорогих сигарет.

– Да мы это, профессор, мы, – нетерпеливо произнёс юноша, стоявший на лестничной клетке. Мойше снял цепочку и отошёл к кровати.

– Добро пожаловать, – сказал он растеряно.

Пропустив вперёд сестру, Квинт Гораций Веррес вошёл в комнату и сразу закрыл дверь. Он был совсем молод, но уже походил на своего знаменитого отца. Квадратный подбородок, широкие плечи, высокий аристократический лоб, светлые волосы и белая кожа сразу выдавали чистокровное происхождение юноши. Только яркие голубые глаза, полные энергии, отличали сына от отца, получившего прозвище "рыбы" не только за хладнокровность.

В отличие от Квинта, его старшая сестра Валерия красотой не отличалась. Слишком полная и крупная, с угольно– чёрными волосами, она сильно поранилась в детстве, с тех пор левая сторона её лица была неподвижной. Из-за этого, а также из-за острого ума и склонности к политике, Валерия оставалась незамужней в тридцать лет.

– Простите за такое вторжение, – сказала она, бесцеремонно усевшись на кровать. Квинт, оглядевшись в поисках стула, пожал плечами, смахнул со стола пачку валидола и взгромоздился на край.

– У вас даже визора нет? – спросил он недоверчиво.

Мойше покачал головой и невольно подумал, каким он представляется этим молодым тиграм. Невысокий пожилой человек, сгорбленный, лысеющий, с огромным лбом и копной седых волос, в тяжёлых очках, с трясущимися руками. Даже летом носит чёрное пальто, постоянно роняет папки с бумагами и заикается на лекциях.

Жизнь не слишком жаловала профессора Мойше Левинзона; он был одним из лучших физиков мира, но давно оставил надежду получить хотя бы кафедру. Молодые и напористые, пусть даже менее талантливые коллеги, один за другим уезжали в престижные университеты, среди бывших студентов Мойше двое стали профессорами

в самом Риме. А он уже тридцать два года преподавал физику и математику в захолустном северном городке Киеве. Начал школьным учителем, затем – первый и единственный успех – стал профессором регионального университета. Слабая надежда на перемены появилась лишь пять лет назад, когда в Киев прислали отпрысков опального сенатора Горация Верреса...

– Профессор, у нас неприятности, – голос Квинта прервал невесёлые мысли. Вздвогнув, Мойше поправил очки и воззрился на юношу.

– Что случилось?

Ответила Валерия:

– Вчера, уходя, вы забыли выключить свет в лаборатории, и туда зашёл сторож. Он нашёл фотографии и отнёс их декану.

Мойше судорожно втянул воздух.

– Какие фотографии? – выдавил он. – Те... те, которые...

– Нет, нет, – Валерия успокаивающе положила руку ему на плечо. – К счастью, не те. Он нашёл портреты сенаторов.

– Сегодня утром декан вызвал меня и задавал много вопросов, – Квинт отбросил догоревшую сигарету и вытащил новую. – Профессор, если мы хотим действовать, надо торопиться. Я не смогу долго скрывать объёмы закупок. Достаточно кому-то из бухгалтерии проверить счета за электричество...

Мойше затряс головой.

– Мы ещё не готовы, Квинт. Это слишком опасно!

– Придётся рискнуть, – жёстко ответил юноша. – Отец потратил на вашу машину почти всё своё состояние. Она работает – мы это знаем. Чего вы боитесь, профессор?

Мойше опустил голову. О, он мог бы подробно объяснить, чего боится. Со всеми выкладками, формулами, многомерными кривыми Сулхана Аль Джебры и уравнениями Медона Кипрского. Но Квинта и Валерию, а точнее сенатора Верреса за их спинами, интересовали результаты. Результаты, которые – как все они четверо знали – были вполне достижимы.

– Нельзя приступать к такому делу, плохо подготовившись, – медленно заговорил Мойше. – Вы не грубые легионеры, вы мои студенты, образованные люди.

Неужели не понятно, как велика опасность?

– Нет в Риме ничего ценнее доблести его сынов, – с усмешкой процитировала Валерия.

– Доблесть здесь ни причём! – в волнении ответил Мойше. – Ошибка может уничтожить весь мир, каким мы его знаем! Дайте мне неделю, всего неделю, я закончу расчеты и смогу точно предсказать результат.

Квинт взглянул на сестру.

– Неделю? – спросил он мрачно.

– Возможно, я управлюсь и раньше. Есть два очень нестабильных фактора, – вскочив, Мойше раскрыл свой старый портфель и принялся рыться в бумагах. – Сейчас покажу диаграммы...

– Не надо, профессор, мы верим, – Валерия встала. – Но постарайтесь закончить со своими факторами быстрее, поскольку нам очень непросто скрывать факты.

– У меня почти всё готово, надо лишь просчитать дисперсию результатов, – чтобы скрыть трясущиеся руки, Мойше продолжал копаться в портфеле. – Мы в любом случае начнём не позднее чем через неделю, а возможно и...

– Профессор, – оборвал Квинт. Он держал в руках толстый, глянцево–чёрный том с золотым тиснением вдоль обложки. – Что это?

– Где? – Мойше обернулся и так вздрогнул, что очки сползли на самый кончик носа. Судорожно вздохнув, профессор сел на кровать.

– Это один из справочников, которыми я пользуюсь для расчётов...

– "История восточной культуры" – вслух прочитал Квинт. – Какое отношение она имеет к нашему делу?! – он в гневе бросил книгу на стол. – На что вы тратите время?!

Мойше огромным усилием воли заставил себя ответить спокойно:

– В науке всё взаимосвязано. Для точного прогноза иногда бывает необходимо погрузиться в прошлое на сотни, а то и тысячи лет.

– Квинт, остынь, – Валерия метнула на брата грозный взгляд. – Мы уже уходим, профессор. Простите за вторжение ещё раз.

Сын сенатора нехотя последовал за сестрой. В дверях обернулся.

– Учтите, профессор, – глаза Квинта на миг сверкнули холодным отцовским

гневом. – Мы вложили в вас слишком много. Ошибок быть не должно.

– Учту... – выдавил Мойше. Дверь шумно закрылась.

Несколько минут учёный сидел на кровати, безвольно уронив руки. Наконец, собравшись с силами, встал, закрыл дверь на ключ, поднял с пола валидол. Тяжёлая нога Квинта раздавила край упаковки.

Почти минуту Мойше смотрел, как медленно сыпется белый порошок. Достаточно принять десять таких таблеток, и боль уйдёт навсегда. Он больше не будет плакать ночами, вспоминая лицо жены, не будет унижаться перед Квинтом и подобными ему. Столько лет... Столько лет потрачено на мечту.

"Я могу всё изменить" – подумал Мойше. Последние годы только эта мысль заставляла его цепляться за жизнь. – "Я могу всё изменить..."

Человек рождается, живёт, умирает. О подавляющем большинстве людей кроме этих слов – сказать нечего. Какой след они оставляют в сердцах? Вспомнит ли о них хоть одна живая душа?

А ведь многие умирают, не успев даже пожить как следует. Тем, кому повезло не погибнуть в юности, создать семью в зрелости, дожить до старости – им от первого крика до последнего вздоха оставалось почти семьдесят лет. Но что можно сделать за такое ничтожное время? Что можно успеть за одну человеческую жизнь?

Мойше сжав в кулаке пачку валидола. Корень зла не в людях, корень – в проклятии, именуемом историей. Рим, Вечный Город, мир рабов и господ. Можно ли за одну человеческую жизнь разрушить тысячелетнюю империю страданий? Разрушить, чтобы построить новый мир, мир основанный на любви?

"Нельзя", – подумал Мойше. – "Конечно, нельзя."

Но он собирался попробовать.

Опустившись на кровать, профессор Левинзон с трудом разжал пальцы и вытащил из мятой упаковки одну таблетку валидола.

Всего одну.

По настоянию Квинта, сенатор Веррес лично присутствовал на старте. Грузный, высокий, с обрюзглым лицом, он с утра дышал в затылок Мойше и ходил за ним по всей лаборатории, время от времени задавая чёткие и конкретные вопросы. Профессор нервничал, хотя был вынужден отметить незаурядный ум сенатора.

"Каким же чудовищем он станет, если его план осуществится?" – подумал Мойше. Он помнил, за что Верреса изгнали с Капитолийского холма, помнил так же ясно, как лицо своей жены, умершей от тифа тридцать шесть лет назад. Тем летом впервые прозвучало имя Горация Верреса, самого молодого центурия Республики.

Последние пять лет Мойше ежедневно смотрел на копию того Верреса, Верреса Циничного, как называли его в молодые годы. Сенатор не имел никакого отношения к смерти жены Мойше, но ассоциативная цепочка помнилась до сих пор: горе, боль, смерть, Веррес.

Горе, боль, смерть.

– Не пора ли приступить? – спросил молодой Веррес.

Вздвогнув, Мойше усилием воли вернулся из прошлого и нервно потёр лоб.

– У меня всё готово.

– Минутку, – сенатор подошёл к сыну и что-то шепнул ему на ухо. – Профессор, мы вам полностью доверяем, но сами понимаете, риск необычайно высок. Будьте так добры, покажите, что погружено в машину?

Мойше медленно выдохнул. Сердце работало ровно, спокойно, постоянный страх последних месяцев бесследно пропал. Молча кивнув, он подошёл к аппарату и отвинтил внешний грузовой люк.

– Одежда, – Мойше коснулся первого контейнера. – Я тщательно исследовал весь период и подобрал одежду, в которой мы не будем выделяться. Здесь, – он тронул второй контейнер, – цифровые радиостанции, замаскированные под браслеты, оружие и подлинные документы, которые вы, сенатор, любезно нам предоставили.

Гораций Веррес улыбнулся уголками губ. "Действительно похож на рыбу," – подумал Мойше.

– А что в этом свёртке, профессор?

– Продукты, – спокойно ответил Мойше. – Чем меньшее воздействие мы окажем

на ткань времени, тем больше шансов на благополучный исход. Даже один неверный шаг в прошлом, сегодня может отозваться громом. Нельзя рвать яблоки, покупать хлеб или мясо, нельзя даже помочь умирающему, встреченному на пути. Мы, точнее отряд вашего сына, будет передвигаться только ночами, используя ракетные ранцы. Вся операция должна занять двое суток, из которых последние двенадцать часов -запас для непредвиденных ситуаций.

– Отец, всё давно рассчитано, – нетерпеливо вставил Квинт.

– Действительно? – сенатор приподнял левую бровь. – Разве то, что мы помним о произошедших событиях, не означает незыблемость времени?

– Будь время незыблемо, весь наш план не имел бы смысла, – усмехнулся Квинт. Шесть легионеров за его спиной поглядывали на блестящий аппарат с неприязнью.

– Что ж, – Гораций развёл руками. – Приступайте.

– Ты ещё устроишь триумф в нашу честь, мой Цезарь! – Квинт резким движением отдал честь. Легионеры, на миг замешкавшись, повторили жест.

– Идите, идите... – сенатор вздохнул. – Следите за моим мальчиком, профессор. Я доверяю вам.

Тяжело кивнув, Мойше последний раз обвёл взглядом свою лабораторию, где тридцать лет вынашивал, а потом и строил мечту. Сегодня, впервые за всё время, соблюдать идеальную чистоту не требовалось, поэтому Квинт и легионеры курили. Табачный туман висел в воздухе.

"Надо сказать что-нибудь вроде "Жребий брошен"", подумал Мойше. Но вслух произнёс совсем иное:

– В машину.

Говорить великие фразы должны великие люди. Профессор Левинзон собирался изменить мир сильнее, чем это удавалось любому другому человеку, но великим себя не ощущал. Он ощущал себя чудовищем.

Все настройки были давно записаны в память бортовой ЭВМ. Тесная кабина была рассчитана на восемь человек, уступка Квинту; из-за такой грузоподъёмности расход энергии составлял поистине астрономические цифры. Впрочем, машине придётся совершить всего два прыжка. И только Мойше знал, что на обратном пути он будет единственным пассажиром...

Легионеры уже расселись по местам, сгорбившись из-за сферической формы кабины. Квинт и Мойше заняли сидения друг против друга; ассистент установил между ними плоский двусторонний экран и подключил его к ЭВМ. Профессор положил руки на пульт.

– Задраить люк и очистить помещение, – приказал он, ощущая всю нелепость себя, говорящего такие слова. Тем не менее провожающие моментально подчинились. С лязгом захлопнулся тяжёлый диск люка, взвизгнули герметизирующие моторы. В кабине загорелся тусклый зелёный свет.

– Включаю наддув, – Мойше повернул кран слева от себя. В кабину с шипением начал поступать кислород. Теперь следить за манометром было работой Квинта.

– Подтвердить готовность к старту.

– Готовность подтверждаю, – сразу отозвался юноша. Его глаза лучились возбуждением.

Мойше тихо вздохнул и нажал кнопку старта. Аппарат содрогнулся. Хотя тонкой настройкой и заменой сопел, грохот реактивных турбин был заметно снижен, шум от старта машины времени всё равно напоминал гром. Перегрузка прижала хрононавтов к сидениям.

– Высота двести.

– Высота пятьсот.

– Полторы.

– Две.

– Пять стадий, – Квинт бросил на профессора горящий взгляд. – Рассчётная высота достигнута!

Мойше не ответил; он один за другим подключал сверхпроводящие контуры. Кабину заполнил низкий гул тока. Снаружи, в стратосфере, аппарат окружило магнитное поле чудовищной напряжённости.

– Первая ось.

Тонкое, почти невидимое кольцо плазмы опоясало машину. В корпусе не было иллюминаторов, иначе жёсткое излучение мгновенно убило бы людей.

– Вторая ось.

Взбесившийся поток частиц начал вращаться. Два кольца плазмы двигались

каждое в своей плоскости, проникая друг сквозь друга, как неспособна материя ни в одном другом состоянии. Кольца разгонялись, всё быстрее и быстрее, скоро аппарат был окружён призрачным экраном энергии. Внутри начала расти температура.

– Третья ось.

Плазма мгновенно перестала быть прозрачной и вспыхнула мёртвым фиолетовым светом, спектр которого уходил далеко в диапазон гамма-излучения. Машина стала неотличима от маленькой звезды: чудовищные вихри частиц вращались по трём взаимно-перпендикулярным осям, разрывая связи аппарата с пространственным континуумом. Сейчас машина времени была не материальным объектом, а только его проекцией на три плоскости в системе координат, двигавшейся вместе с Солнечной системой и Галактикой вокруг общего центра масс. Разница в скоростях между двумя точками отсчёта – положениями Земли в стартовом и финишном пунктах – создавала колоссальный дисбаланс энергий, и аппарат использовал его, чтобы поддерживать магнитное поле.

Три плазменные стрелы рвали плоть Вселенной. Но прежде, чем всего на миг родится четвёртая стрела – миг, достаточный, чтобы перенестись сквозь века – напряжённость энергии должна была достигнуть порога, найденного профессором Левинзоном тридцать лет назад во время школьного урока физики.

Ждать пришлось несколько минут, показавшихся людям годами. Температура корпуса непрерывно росла, но что гораздо хуже, рос уровень радиации. Мойше и Квинт не отрывали глаз от шкалы напряжённости поля; каждый держал палец на кнопке. Если бортовая ЭВМ опоздает хоть на пару секунд, энергия в сверхпроводящих обмотках перестанет сдерживать плазму и аппарат за ничтожную долю мгновения обратится в газ.

ЭВМ успела. На (бесконечность, ничто, бесконечность, ничто, беск...) время остановилось и (безвременье, вечность, безвременье, вечность, без...) снова пошло своим чередом. За бортом аппарата сменилось минус двадцать шесть лет.

– Двигатели в норме, обмотки в норме, энергия сто процентов... – рапорты следовали один за другим. Впервые за минус четверть века и ещё целый год, люди немного расслабились.

– Поздравляю, профессор, – слегка дрожащим голосом сказал Квинт. Но Мойше

слишком устал, а легионеры были заняты проверкой систем; юноше никто не ответил.

** **

Они посадили машину на холме, среди бесконечного леса. Турбины молчали: аппарат опустился на парашюте. Сразу после посадки люки были раскрыты и легионеры начали готовить площадку к повторному старту.

В кабине остались только Квинт и Мойше. Пока солдаты расчищали траву и оттаскивали подальше ветви – если при старте двигатели вызовут лесной пожар, может произойти парадокс времени – юноша нетерпеливо крутил ручку многодиапазонного радиоприёмника. Наконец, был пойман канал новостей.

– ...сегодня с официальным визитом в Афины прибыл куратор четвёртого Западного региона Марк Октавиан. В программу визита в числе прочих вопросов входит обсуждение африканской проблемы. Аналитики сходятся во мнении, что будет принято решение о частичном смягчении тарифов на перевозку слоновой кости через...

Радио умолкло, когда Квинт дрожащей рукой нажал кнопку.

– Это решение было принято на двенадцатый день осенних календ 3093 года, – прошептал юноша. – Мы в прошлом!

– Вот и настало время для поздравлений, – невесело пошутил Мойше.

Квинт обернулся к профессору. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, внезапно юноша подался вперёд и горячо поцеловал учёного в губы.

– Вы сделали это! – в глазах Квинта отразилось неподдельное восхищение. – Я не верил до последнего мига... Великий Марс, я буду рождён только через два года!

– Время идёт, – негромко ответил Мойше. – У вас всего тридцать шесть часов, чтобы изменить мир. Пора за работу.

– Воистину пора! – Квинт вскочил. – Мы скоро вернёмся, профессор, и в новом мире, мире где справедливость восторжествует, вы наконец получите причитающееся вам по праву. Я построю в вашу честь новую Академию!

Юноша выпрыгнул из люка. Мойше опустил голову и долго следил, как на экране часов неторопливо бегут секунды.

"Ни одно чудовище, ни один завоеватель в истории не губили столько жизней, сколько уничтожу я" – подумал он. В тишине ночного леса слышался стон, миллионогласный смертный вопль поколений, так и не родившихся на свет.

Мойше закрыл глаза.

"Я делаю это для людей" – в сотый, а может в тысячный раз попытался он успокоить совесть. – "Слишком много было горя, слишком много пролилось слёз. Человек человеку – волк. А правит нами Римская Волчица"

– Так не должно быть, – прошептал Мойше. Руки были влажными и непослушными, сердце гулко колотилось о грудную клетку.

Само строение людей загоняет в клетки их сердца...

Чтобы немного прийти в себя, профессор Левинзон порылся в карманах и вытащил бутылочку валерианки. Вода в резиновой груше оказалась тёплой и пропахшей металлом, но он всё равно выпил. За бортом аппарата послышался свист реактивных ранцев.

"Вот и всё," – подумал Мойше. Отныне решать предстоит только ему. В одиночку держать ответ перед совестью и человечеством.

– Профессор? – в люк заглянул один из легионеров, молодой светловолосый Луций. – Квинт просил меня остаться и приглядеть за вами. Выйдите, пожалуйста, из машины.

Сердце остановилось – и заработало вновь, с перебоями, натужно. Покачнувшись, Мойше потерял равновесие и сел на место пилота.

– Но... расчеты включали семерых... – прошептал он слабеющим голосом.

– Почтенная Валерия пересмотрела расчеты. Все тренировки проходили с участием шестерых, мы справимся, – Луций улыбнулся. – Выходите, профессор, в машине душно и воняет резиной.

Руки молодого легионера лежали на поясе, где в расстёгнутой кобуре мрачно блестел пистолет. На короткий миг Мойше едва не поддался панике.

"Нет," – мысль полыхнула маленьким кровавым солнцем. – "Я слишком долго ждал."

– Сейчас, только захвачу лекарство, – робко улыбнувшись, профессор встал, обернувшись спиной к Луцию, и нажал кнопку включения первой плазменной оси. Из

открытого люка ударило волной чудовищного жара.

Старое пальто Мойше вспыхнуло. Закричав, он ударил по клавише аварийного отключения и рухнул на пол, корчась от страшной боли, теряя сознание и разум. Пальто продолжало гореть.

"Я не имею права на смерть!" – преодолевая боль, он судорожно вцепился в огнетушитель, лежавший под сидением, и повернул кран. Холодная пена сбила огонь. Задыхаясь, Мойше подполз к пульта и задраил люк: вокруг машины горел лес.

Только тогда он позволил себе потерять сознание.

** **

Придя в себя, Мойше долго не мог вспомнить, что случилось. Но наконец, память вернулась; застонав от боли, он вцепился в поручень и затащил себя на сиденье. Вся кабина была залита пеной, экран оплавился. Снаружи бушевал лесной пожар.

"Топливные баки могут взорваться..."

Дрожащей рукой Мойше коснулся головы. На пол дождём посыпались сгоревшие волосы. Боль в обожжённой коже сводила с ума, профессор упал на колени возле аварийной аптечки и выхватил силикатную мазь. Чтобы хоть немного опомниться, ему пришлось вколоть себе морфий и выпить три таблетки анальгина.

Минут десять Мойше сидел неподвижно, ожидая пока укол подействует. Залитые пеной очки, к счастью, не разбились; он машинально протирал стёкла, когда знакомый треск привлёк наконец его внимание. Мойше внезапно понял, что слышал треск всё это время.

"Радиация," – подумал он без особых эмоций. – "Так и должно быть"

Счётчик показывал уровень, близкий к смертельному. Мойше посмотрел на часы.

"Сутки у меня точно есть"

Судорожно вздохнув, профессор Левинзон повернул кран наддува и запустил турбины. Из огненного пекла, словно стрела Юпитера, машина времени рванулась к небу.

От морфия кружилась голова и дрожали руки. Профессору пришлось напрячь

всю волю, чтобы не ошибиться при вводе новых координат; оплавленный экран мерцал, перегретые турбины работали нестабильно. И всё же аппарат выдержал, перенеся своего умирающего создателя в прошлое, на девятьсот четырнадцать лет.

"...Этот период истории примечателен появлением среди небольшого народа евреев т.н. "мессии", то есть пророка единого бога, призванного с небес, чтобы спасти человечество, погрязшее в собственных "грехах". В целом религия евреев, т.н. "иудаизм" отличается удивительной дикостью и нетерпимостью ко всем иным народам, служа ярким проявлением комплекса ущемлённой нации. Однако упомянутый "мессия", известный под именами Йешуа га- Ноцри или Йешуа Назаретянин (из разных источников), пытался сильно модифицировать "иудаизм", привнеся туда мотивы гуманности и т.н. "любви к ближнему" (см. исследования Марка Огаста Лукулла далее в этой главе). Историки сходятся во мнении, что мастерски воспользовавшись иудейскими легендами о грядущем приходе "мессии", Йешуа мог бы оказать заметное влияние на неустойчивое международное положение в регионе, и не исключено, что его "религия любви" могла быть использована римской знатью для подавления, а после и замены варварских иудейских обычаев. К сожалению, апологеты еврейского "иудаизма" понимали это не хуже наших современников, и Йешуа был убит отравленной стрелой у ворот Иерусалима. Имя убийцы неизвестно; один источник утверждает, что он был легионером, нанятым за деньги, однако достоверность этого источника вызывает сомнения. Так или иначе, римляне воспользовались смертью Йешуа и под предлогом восстановления справедливости окончательно подавили варварскую религию "иудаизма", о которой сегодня знают лишь историки и немногочисленные консерваторы еврейского происхождения..."

Дрожащей рукой закрыв "Историю восточных народов", профессор Левинзон взглянул на карту, тускло мерцавшую на оплавленном экране. Топлива почти хватило; машина времени, теперь ставшая всего лишь куском металла, опустилась в неглубокий пруд у дороги, тянувшейся к далёким стенам Иерусалима.

"Фотографии" – вспомнил Мойше. Они с Квинтом и Валерией несколько месяцев запускали маленькие копии машины времени в разные периоды истории: приборы следовало откалибровать. Для точного определения времени, куда попадали аппараты, ЭВМ вела аэрофотосъемку местности. На одной из таких фотографий

профессор Левинзон узнал событие, о котором читал ещё в детстве, следующий зонд был послан в тот же период... И родился план. Дикий, основанный на почти сказочном везении, однако Мойше ухватился за него с отчаянием утопающего.

"Не подвели меня, Йешуа" – мысленно взмолился учёный. – "Я поверил в твою религию любви, я уже убил ради тебя человека и готовлюсь уничтожить весь известный мне мир. Донеси свои слова до людей, объясни им ценность жизни! Научи, что нельзя делить мир на рабов и господ!"

Оставалось несколько часов. Судорожно вздохнув, Мойше разгерметизировал люк и с огромным трудом выбрался из машины. Тёплая вода приняла его измученное тело, рванула ожоги отупляющей болью.

– Я выдержу, Йешуа, – прошептал учёный. Задыхаясь, он открыл грузовой люк и вытащил тяжёлый свёрток. Чтобы доплыть до берега, потребовались последние силы.

"Так ему будет легче", подумал Мойше. Некоторое время он судорожно дышал, собирая волю в кулак. Сел, подтащил свёрток. Внутри, спрятанная меж зелени и фруктов, лежала книга, отпечатанная на листах сверхпрочного пластика. Шесть лет потребовалось профессору Левинзону, чтобы по крупицам изучить иврит, ещё десять лет создавался текст. Все знания, весь свой могучий разум вложил он в эту книгу.

"Я писал её, не зная, кому передам" – вспоминал Мойше, дрожащими руками глядя титановый переплёт. – "Я мечтал полететь в прошлое, когда Рим был всего лишь городом, и отдать эту книгу праотцам моего народа. Тридцать лет мечтаний..."

Вдали послышался стук копыт и негромкие голоса. Кто-то ехал по дороге верхом на осле.

"Я верю в тебя, Йешуа" – подумал профессор Левинзон. – "Тебе я вручаю мечту, воспользуйся ею мудро."

Раздалось удивлённое восклицание, и над умирающим стариком склонилось несколько человек. Мойше улыбнулся, узнав их лица.

– Эта книга послана с небес, – прошептал он на иврите. – Возьми её, Йешуа. Научи мир любить.

Один из людей вздрогнул. Его тонкие, совсем не сильные пальцы коснулись переплёта. И в тот же миг Вселенная изменилась.

Беззвучно испарился обугленный шар машины времени. Мойше услышал, ощутил всей душой вопль, непредставимый, страшный крик миллиардов людей, которым он запретил жить. Его умирающее тело исчезло, оставив после себя лишь книгу в пыли и страх в глазах мессии, но смерть – о нет... Смерть не спешила забирать к себе профессора Левинзона.

Вспышка! Он снова был молод. Мойше стоял под дождём, на каменной мостовой, и смотрел на толпу солдат, с рёвом нёсшуюся по узким улочкам Иерусалима. Впереди, лязгая ржавым доспехом, смеясь в упоении боя, летел Квинт.

– Крестonosцы! – в иступлении кричал какой-то старик. – Спасайтесь!

Страх не успел проникнуть в разум -толпа смяла одинокого человека, размазала по камням, подарила телу смерть. Дух рвался дальше.

Вспышка! Он был женщиной. Толпа – одетая иначе, кричавшая на ином языке, но та же самая в сердце – вновь была вокруг. Люди в серых балахонах поджигали костёр.

– Во имя отца, сына, и святого духа... – произнёс Квинт, одетый в огненно-красную рясу. Прежде, чем понимание рвануло сердце – пламя обняло его новое тело, исторгло из горла вопль. Но кто мог его слышать! Кого тронет женский крик, когда плачет мир, обречённый на небытие?!

Вспышка! Он вновь был стариком, и брёл по улицам родного Киева вместе с толпой оборванных людей, носивших белые шестиконечные звёзды. Впереди, у обочины, стояло двое солдат в чёрной форме.

– Куда этих, герр офицер? – подобострастно спросил Люций.

– В Бабий Яр, – усмехнулся Квинт, не отводя глаз от Мойше. И на сей раз времени понять – хватило, понять и умереть, умереть тысячи раз вместе с каждым, не родившимся на Земле ребёнком.

"Нет!!!" -закричал его разум. "Нет!!! Я хотел остановить смерть!!! Дать людям счастье!!!"

Смерть опустилась на колени и приподняла свой саван, желая взглянуть ему в лицо. Она дарила себя всем, не делая исключений; но сегодня, впервые за несчётные века, Смерть приняла иное решение.

Яркая вспышка опалила умирающий разум профессора Левинзона, и пришла

темнота.

** **

В квартире было темно. Переступив порог, Мойше споткнулся о ведро, стоявшее у двери, и тяжело вздохнул. Со второй попытки нашарил выключатель.

Как всегда, электричества не было. На ощупь отыскав стол, профессор чиркнул спичкой и зажёл керосиновую лампу. Фитиль медленно, словно нехотя, налился светом.

Комната выглядела так же, как всегда. Железная кровать в углу, шкаф, стол, полка с книгами, кресло– качалка у окна, порченный молью плед. Старые часы на стене давно остановились, но денег на починку не было.

"Окно", подумал Мойше. "Надо было закрыть окно перед уходом"

Но он так не сделал, и теперь комнату заполняла отвратительная вонь: во дворе работала мусорная машина. Профессор вытащил из кармана полупустой баллончик дешёвого дезодоранта и несколько раз прыснул в воздухе.

На столе стоял гранёный стакан. Рядом лежала пустая пачка валидола и тетрадь.

"Всё нормально", подумал Мойше. Сняв пальто, он повесил его на гвоздь у двери, вернулся к столу и, с кряхтением, опустился в кресло– качалку.

Посидел минут десять, немного отдохнул. Встав, Мойше ногой подтолкнул ведро к стене и открыл кран, торчавший над радиатором. Оттуда послышался хрип умирающей свиньи.

Профессор не удивился; для таких случаев за кроватью стояла кастрюля. С трудом опустившись на колени, он зачерпнул несвежую воду и уже собрался выпить, когда внезапно зазвонил телефон. От неожиданности Мойше уронил стакан.

"Кто бы это мог быть?"

Старый дисковый аппарат стоял на подоконнике, рядом с пустой банкой колы. Мойше несколько секунд колебался, брать ли трубку. Но телефон вновь издал требовательный звонок. Пришлось подчиниться.

– Квартира Левинзона.

– Профессор, вы?

"Ректор!" – Мойше вздрогнул.

– Да, Константин Витальевич?

– Вы сейчас свободны? Надо поговорить.

Мойше взглянул на часы.

– Уже поздно, Константин Витальевич...

– Это важно, профессор.

– Что-то случилось?

– Да, случилось. Час назад мне позвонил господин Вересов, и спрашивал, почему его сын получил тройку на экзамене физики.

Профессор Левинзон беспомощно потёр лоб.

– Константин Витальевич, но он же ничего не знает, как я могу поставить...

– Ничего не знает? А вы, Левинзон, знаете, как много господин Вересов сделал для нашего университета? Вы понимаете, что теперь нам можно забыть о финансировании нового...

Слова расплывались в сознании. "Так уже было однажды" – подумал Мойше, и на миг – всего на миг! – позволил себе помечтать, как замечательно было бы оказаться ректором, или хотя бы деканом. Он излечил бы университет от этих самоуверенных господских сынков, ввёл справедливые оценки для всех, установил равенство...

– Вы слушаете, Левинзон?!

– Да, Константин Витальевич, да, простите, – спохватившись, Мойше помотал головой. Мечты, мечты. Мечтами сыт не будешь.

– Завтра вы лично извинитесь перед господином Вересовым и повторно примете экзамен, а потом, Левинзон, я жду вас у себя в кабинете. Всё понятно?

– Да, Константин Витальевич, всё понятно... – положив трубку, Мойше безвольно упал в кресло. Ему вдруг неудержимо, до боли в сердце захотелось выпить десять таблеток валидола и порвать с этой проклятой жизнью. Всего десять таблеток! И больше не придётся плакать ночами, вспоминая лицо жены, не придётся унижаться ради сыночка Вересова и заискивать перед управдомом, чтобы тот потерпел с платой за квартиру. Десять таблеток... А потом...

"Уснуть, и видеть сны, быть может?" – Мойше дрожащей рукой нащупал пачку валидола. И внезапно вспомнил, что она опустела ещё вчера.

Купить новую не было денег.

Конец